

Анастасия Спивак

Там, где трава зеленее

рассказ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастасия Спивак

Там, где трава зеленее

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Спивак А. О.

Там, где трава зеленее / А. О. Спивак — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Все ли мечты должны сбываться? Где трава зеленее, небо синее, а чай вкуснее? И почему всегда хорошо там, где нас нет? Содержит нецензурную брань.

Дашка, умаявшись, откинула волосы со лба, загребла их под косынку, присела на пластмассовую коробку, притулившись в каменном углу, и закурила. Желтели пальцы от табака, никотиновые лёгкие дышали рвано, неглубоко. Но дымила по привычке.

Не то чтобы зависела от сигарет Дашка. Порой работала весь день – могла и не курить до вечера, занятая, только с утра в одну-две затяжки всосёт свой «Bond» и скачет. Посуду моет, на которой клиенты всякую лабуду мясную и овощную за день посожрут. Оттирает металлические столы, на которых громадная повариха Аня полдня раскатывала лихо и с матами тесто на картофельные пирожки и сочащиеся жиром манты. Разбирает мясорубку, каждое сочленение, каждый хитрый винтик промывает от мелкой мясной херни, собирает снова и задвигает на полку. По вечеру драит везде полы. Один раз посадили чистить чеснок, но Дашка готовить толком не умела никогда толком и столько времени на эту простую ерунду убила, что наорали, полаялись между собой и на неё и решили, что на посуде с Дашки больше будет пользы. Нет-нет картошку обскребала от кожуры, но это уже привычней и быстрее.

Дашке было сорок восемь. Худая, с тусклым лицом и запавшими, несчастными щеками, она выглядела мрачной и недоброй, глядела исподлобья, но недоброй вовсе не была. Уставала кухрабочей бегать, вот и тускнела понемногу. Но нигде больше Дашку не брали. Мозгом она не блистала никогда. Кто-то сейчас в интернете работает, кто-то в офисах сидит. Можно диспетчером в такси, но не возьмут же. Речь должна быть хорошая, складная, дикция отчётливая. Да и лазь в компе, мышкой шлёпай, разберись ещё в вашей современной электронике. Не то всё.

Образование нынче неважно, Дашка это не раз слышала. Но мозгом шевелить надо, не просто шевелить – ёрзать и метаться нужно мыслью, как ненормальному, чтобы поспевать за нынешним ритмом. Метаться мыслью, шлёпать мышкой и складно разговаривать Дашка не умела. Вот и плелась, устаревшая уже лет двадцать как, по своей жизни, как драная кошка по улице – без огонька и радости, питаюсь случайной падалью.

Сигарета пожгла пальцы, потому что Дашка загрузила и задумалась. Пакость какая, твою ж. Матюкнувшись, Дашка бросила бычок в дышащий смрадом рот скособоченной урны. Урна не жевала: зубов не было. У Дашки тоже пара зубов уже погнила да вывалилась. Раньше мода была на золотые коронки. Все ходили с блестящими воровскими фиксами, гордились, выставляли их напоказ. А посейчас кто ходит с ними – стыдится, копит деньги на современные чудеса стоматологии, рот в лапе прячет. Ещё бы, уродство ведь неимоверное. У Дашки, правда, денег не было ни на золотые зубы, ни на фарфоровые, красивые. Ну и хрен с ними, акула, что ли, с лишними клыками ходить.

Дашка пошла переодеваться: заканчивалась смена. Анжела – администраторша лет тридцати, утянутая в талии красной лентой пояса, как букет, – вызывала такси по стационарной трубке. Работали до двух ночи, поэтому за машинку платила фирма.

Дашка плюхнулась ждать на пластмассовый, надломленный в подлокотнике стул. Даже болтать не хотелось, хотя Анжела была весёлой и доброй. Дашкин взгляд исподлобья её не отпугивал и не обманывал. Когда клиентов не было и летний день тёк густо и жарко, лениво, сидели Дашка да она, смеялись без умолку, бездельничали. Не дружили, но приятельствовали. Посуда в такие дни горой не стояла, потому что с неё никто не ел. Дашка, быстро управившись с заплёванной тестом и жиром громадной плитой, брала в счёт зарплаты пирожок с ягодой и «Greenfield» в белой горячей кружке и сидела за столиком, перемывая кости дебилам-клиентам и припоминая всякую смехотню из жизни. Хорошо было тогда. Но всё равно внутри тошно, тошно...

Подъехала «Приора», замызанная от колёс до бампера и посему неопределённого цвета. Дашка загрузилась на переднее сиденье, и голову обмотало электронщиной: понеслись стандартные дорожные песенки из автомобильного радио. Много про секс и наркоту, бессвязное словесное месиво, пересыпанное бодрим дискотечным ритмом. Про секс и наркоту Дашка не любила, потому что ни в том, ни в другом не разбиралась, но не осуждала. Просто ей музыка не

нравилась вообще. Когда Дашка хотела отдохнуть, она либо смотрела по телевизору кино про Америку, либо упиралась глазами в исторические романы про любовь и интриги и сидела так часа по два. Романы зудели в голове, и Дашка мечтала о красивом имени, родовом поместье и больших деньгах.

О любви уже не мечталось – темноглазые страстные любовники из книжек рядом не уживались даже в воображении. Что с ними делать-то, с любовниками, нянькаться или яишенку по утрам жарить? Уже зачем. Кататься с ними на лошадях и в томных позах ждать их наизготовку на шёлковых простынях, усыпанных лепестками? Какие лепестки, в СССР лепестков не было, равно как и пестиков с тычинками.

Вроде и замуж Дашка ходила лет в тридцать, далеко, что ли, ходить. Но муж как-то очень быстро, года через два, ушёл к другой, детей не произошло, и больше мужские носки в её шкафу ни разу не ночевали, хотя мимолётные любви были потом – но без сожительства, а так, по-подростковому.

Ехали-ехали и приехали. Дашка вылезла, как подснежник, навстречу миру и воздуху, побрела к подъезду. Магнитный замок не пиликнул, но дверь открылась свободно: твари-соседи опять подрезали домофон, скоро все бомжи города сюда жить соберутся. Подъезд блистал, как зебра: то есть лампочка на этаже, – белая полоса – то выкрутили – и тьма тьмушая. Дашка докарабкалась до пятого, дыша, как насморочная, ртом. Открыла дверь ключом.

Дома было холодно и противно. Но дома можно пить чай, валяться вниз лицом на кровати, смотреть рекламу йогурта по ящику, не мыть посуду, если не хочется. Поэтому Дашка холод пережила, щёлкнула электрический чайник на кухне, включила свет. Стало получше. И Дашка нашарила на диване гладкий пульт, клацнула кнопкой – пузатый древний телевизор начал шуметь, как завёлся, потом дал картинку. Шли новости. На другом канале – сериал про аферистов. Мультки. Кулинарная программа. Дашка пригорюнилась: кино про Америку не было.

Америка была Дашкиной глянцевой мечтой, как иллюстрация с Эдемом из детской Библии. Бродят тигры в агрессивных кожанках и косули в белых футболках, с тонкими беззащитными щиколотками. Пышно цветут сады, дымит и движется индустрия. Бегут по экрану телевизора подтянутые фитнес-девочки в наушниках, а потом едят красивую еду в красивых кафе красивыми розовыми ртами. Язык у них – как речь бизнес-коуча: «Уан, ту, фри – а ю рэди?». «Рэди-рэди, что бы это ни значило», – печально думала Дашка и хотела глоток настоящей жизни. Американской. Сверкающей.

Дашка насыпала гранулированный «Майский» в заварник, залила кипятком. И от этого тоже стало противно – хотелось листовой чай, вкусный. Заварник хотелось расписной, дорогой и фарфоровый. И так вдруг замучилась Дашка реальная от зависти к несуществующей богачке-Дашке с изящной молочно-белой посудой, с подтянутой, несмотря на возраст, фигурой и с блудливыми весёлыми глазами, что стукнула зло кружкой, которую было подняла от стола, и заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.